

Алексей ГАНИН:

К тебе пришел я, край родимый, Чтоб полюбить, прощая всех.

УТРО

Мое жилище, Землю грешную,
лечальный и убогий край,
любовью светлой и нездешней
я полюбил, как прежний рай.

Одел поля пшеничным золотом,
пчелиным медом наполни,
и все преграды лунным молотом
рассыпал в звончатую пыль.

На всех путях, на веки черные,
где в медных вихрях шла Гроза,
затеплил свечи чудотворные
поставил зори-образа.

Мой лук — заутреннюю радугу —
я натянул и луч-стрелу —
вонзил глухому зверю в пазуху,
точившему на поле мглу.

И растворилось небо синее.
И от лошин, из-за бугров,
пошли толпами старцы сивые
на горний звон колоколов.

Орлица-мысль, игривей яблока
за море в глуби уплыла
и Солнце — золотое яблоко —
в горящем клюве принесла.
1915

ЛЕСНЫЕ КУПЕЛИ

Где в лесные купели-затоны
расплеснулась лесная река,
Четки, вещи кукушкины звоны,
колокольня ель высока.

Гребень Солнышка выпал на травы,
нижет жемчуг под елями тень,
Заплелись тростники и купава
в золоченый, зеленый плетень

Никнут в неге кудрявые лозы,
черным струям дарят поцелуй.
Резвый пляс бирюзовки-стрекозы
завели над прохладною струй.

Сонно грезят лопух и кувшинка,
синий зной ароматен и пьян,
А в лучистых изломах песчинки
будто горсть золотистых семян.

По кустам и заросшим завалам
птички песни прядет тишина,
И зарю шиповники ало
расцветают, как астарь купина.

Звонко булькают скрытницы-рыбки,
убегая к корнистому дну,
И плывут водяные улыбки
гибким кругом лучистому дню.

Веще льются кукушкины звоны,
дремлет Солнце, припав в тростники,
На лесные купели-затоны
кто-то сыплет с небес васильки.
1915

Она придет, неведом час,
в дверях шаги прольет, как струи.
Придет и тихо поцелует
морщины у молящих глаз.

И небо синее в окне
последний раз светло приснится
и улетит к иной Весне
крылом незримой голубицы.

Под белым гробовым холстом
вздремнется телу тихо, сладко
И кто-то ласковый украдкой
холст озарит златым крестом.

То Дед, давно умерший Дед,
весь в солнышке, в седом наряде,
объявится в луче лампы, —
и загорится звездный след.

И все, чем жизнь гнула и жгла,
спасет легко в прощальном часе
И Дух вспарит из тины зла,
первоначально чист и ясен.

Стыдливо склонятся друзья,
качаясь в ладане и дыме, —
и встанем скорбью между ними,
глядя на труп, Она и я.

А за окном дела и сны,
в тоске и горечи бесплодной,
заплачет ветром мимолетным
на ухо вечной тишины.
1917

ПОКОС

И я, и солнышко — мой ясноглазый
друг —
встаем от сна, улыбчивые, рано...
Разбудим день. Оно возьмет
туманы.
А я — косить цветной широкий луг.

Мужичий гам, румяный бабий говор
полюются вслед с нехоженой тропы...
А впереди: и синь, и косогоры,
ромашки, и росистый смех травы..

И весел труд. Коса остро и звонко
по шелку трав хрустит до полудня.
И не понять, где песня жаворонка,
там, в синеве, иль в сердце у меня?
А с полудня, когда мой ясный друг
огруживает высоко в стога туман
кудрявый,
Я ставлю в копны скошенные травы,
я тороплюсь убрать широкий луг.

И целый день, пока не кликнет
вечер,
кумачный вихрь гуляет по лугам...
И светел труд. И не устанут плечи
купаться целый день в зеленых
облаках.
А ввечеру, когда на бабьи ноги —
душистой клевера прильнет загар,
устанет солнышко. И в золотые
стоги,
красивое, уходит на закат...

Уйду и я. И тихий сон по селам
сомкнет глаза, кто радостью ослаб.
И до утра мне снится луг зеленый.
И все звенит: роса—коса—роса.
1918. Июль.

* * *

Отгони свои думы лукавые,
полуденного беса молву,
что-то светятся тучки кудрявые,
чьи-то тени ложатся в траву.

Таёт в воздухе поступь неверная,
не кукует горюша в лесу,
на стволах позолота вечерняя,
и ясней на туманном мысу.

Небеса опоясались зорями.
Промелькнул белоснежный наряд
Погляди, вон опять над сугорами
наш Учитель и ласковый брат.

Море свеч в небесах засветилось,
сходят сонмы крылатых Гостей
И на скорби с небесного клироса
льется пенье бесплотных детей.
Близок Свет. Перед радостной
встречей

причащаются травы росой.
Поклонись—и мольбой Человекею
не смуги голубинный покой.
* * *

В нагих полях бредет в сермяге
День,
Обрывки зорь за полы небо прячет,
Из мутных глаз течет унынья тень,
Седая борода дождями плачет.

Кругом легла в туманы Тишина
И говор жней, и эхо проглотила.
Деревни мокнут под печалью Дня,
Избенки жмутся, скалятся стропила.

Угрюмо, глухо стонет старый сад.
В нем кто-то юность мертвую
хоронит.
Стволы, шершава, призрачно
скрипят.

В припадке грусти мечутся вороны.
Далекий бор осунулся, зазяб,
От стужи в кудрях посинела хвоя.
Свинцовый лик ломает в лужах рябь,
хоронит.

Плешивая дорога скользко воеет.
С рябин летят грачонок с воробьем
В соломенный уют под застрех
сеновала.

Отходит День и тучей-рукавом
Кому-то машет в ласке запоздалой.
* * *

3. Р.*
1
Русалка — зеленые косы,
Не бойся испуганных глаз,
На сером оглохшем утесе
Продли нецелованный час.

Я понял, — мне сердце пророчит,
Что сгинут за сказками сны,
Пройдут синеглазые Ночи,
Уснут златокудрые Дни.

И снова уйдешь ты далече,
В лазурное море уйдешь,
И память о северной встрече
По белой волне расплеснешь.

Одежды из солнечной пряжи
Истлеют на крыльях зари,
И солнце лица не покажет
За горбом шербатой горы.

II

Косматым лесным чудотворцем
С печальной луной в бороде
Пойду я и звездные кольца
Рассыплю по черной воде.

Из сердца свирель золотую
Я выкую в синей тоске
И песнь про тебя забытую
Сплету на холодном песке.

И буду пред небом и морем
Сосновые руки вздывать.
Маяком зажгу мое горе
и бурями-песнями звать.

Замутится небо играя,
И песню повторит вода,
Но ветер шепнет умирая:
Она не придет никогда.

3. Р.* — Зинаиде Райх.

* * *

Гонимый совестью незримой
За чью-то скорбь и тайный грех,
К тебе пришел я, край родимый,
Чтоб полюбить, прощая всех.

В твоих полях, в твоём покое,
В шелковых мхах твоих ланит
От Зла и каменного воя
Я думал сердцем скоронить.

Я думал бред души неверной
Стряхнуть в безвременной поре
И за лесной твоей вечерней
Молиться радостной Заре.

Украдкой выгоревать стоны
Под синью звездного шатра
И расплеснуться красным звоном
В твои певучие ветра.

Но кто-то дико заглумился
Над —ном и сказкой вековой.
И новым перстнем обручился.
Я с той же скорбью полевой.

Опять над Русью тяготее
Усобиц княжичий недуг,
Опять татарской былью веет
От расписных, узорных дуг.

И мнится: где-то за горами,
В глуби степей, как и тогда,
Под золочеными шатрами
Пирует ханская орда.

Опять по Волге буйно-красен,
Обнявшись с пленною княжной,
В узорных челнах Стенька Разин
Гуляет с вольной голытьбой.

И широко по скатам пашен,
Разнесшись в кличе боевом,
И днем и ночью грозно пляшут
Огонь и Смерть в краю родном.

А по лесам, где пряхи Ночи
Сплетали звездной пряжей сны.
Сверкают пламенные очи
И бич глухого Сатаны.

Умолкли песни голубые,
И с травяной твоей спины
Сорвали ризы парчевые
Твои неверные сыны.

И ты истеганные руки
Возносишь к правде неземной,
И злей смеется крестной муке
И добрый друг, и недруг злой.

Неотвратимо роковое
В тебе гнетет твоих сынов. —
Но чуёт сердце огневое —
Ты станешь сказкой для веков.
1917—1918.